

Д а й а н К о е н к е р

СРАСИБО ПАРТИИ

Отдых, путешествия
и советская мечта

Современная
западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Дайан Коенкер

**SPACИБO партии. Отдых,
путешествия и советская мечта**

«Библиороссика»

2013

УДК 316.7
ББК 60.56

Коенкер Д.

SPАсибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта /
Д. Коенкер — «Библиороссика», 2013 — («Современная западная
русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-907532-00-7

Исследовательница Дайан Коенкер в своей работе не только описывает эволюцию представлений о допустимом и желаемом отдыхе в СССР, но и делает на этом материале далеко идущие выводы о советских моделях потребления и их изменениях на протяжении нескольких десятков лет. Как государство и граждане взаимодействовали между собой в попытке выработать идеологически приемлемые формы досуга — и почему советский отдых из формы поощрения лояльных подданных превратился в инструмент для развития личного благополучия? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.7

ББК 60.56

ISBN 978-5-907532-00-7

© Коенкер Д., 2013
© Библиороссика, 2013

Содержание

Слова благодарности	6
Введение	7
Глава первая	16
Социалистический отдых	17
Места для проведения досуга и восстановления сил: курорты и дома отдыха	19
Направления	27
Путевка и как ее достать	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дайан Коенкер
SPАсибо партии. Отдых,
путешествия и советская мечта

Ханне, Джошуа и Элеанор

Diane P. Koenker

Club Red

Vacation Travel and the Soviet Dream

Cornell University Press

2013

Перевод с английского В. А. Петрова

© Diane P. Koenker, текст, 2013

© Cornell University Press, 2013

© В. А. Петров, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Слова благодарности

Я очень рада, что могу по достоинству оценить помощь и поддержку, которые получила во время создания этого труда. Университет Иллинойса всесторонне поддерживал меня, в том числе финансово, предоставив исследовательский грант и стипендию Факультета Меллона. Сотрудники Славянской библиотеки и Справочной службы университета, особенно Хелен Салливен, нашли и добыли крайне важные материалы; я ценю их на всем протяжении этого проекта. Я также благодарна Фонду Джона Саймона Гуггенхайма, Отделу зарубежных исследований и связей, Национальному совету по евразийским и восточноевропейским исследованиям, руководителям Программы VIII Государственного департамента США, в рамках которой финансируются многие эти организации и учреждения: они организовывали мои исследовательские поездки и позволили мне выделить время для работы над книгой.

Большая честь для меня выразить благодарность сотрудникам следующих архивов и библиотек: Государственный архив Российской Федерации, Центральный государственный архив Московской области, Российский государственный архив кинофотодокументов, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный архив города Москвы, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Сочинский городской архив, Российская государственная библиотека (Москва), Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Британская библиотека, библиотека Школы славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский университетский колледж. Спасибо Обществу сравнительных общественных и исторических исследований за возможность поместить часть материалов, впервые опубликованных в статье *Whose Right to Rest? Contesting the Family Vacation in the Postwar Soviet Union // Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51. № 2. P. 401–425.

Мне оказывали поддержку, высказывая профессиональные суждения, такие специалисты, как Кристин Варга-Харрис, Рэндалл Диллс, Эрика Фрэзер, Мария Кристина Гальмарини, Людмила Кузнецова. Большую пользу принесли дискуссии, состоявшиеся в Лондоне, Шеффилде, Билефельде, Берлине и Санкт-Петербурге. Мне хочется выразить особую признательность тем, кто участвовал в занятиях Русского кружка и Исторического семинара при Университете Иллинойса, прежде всего следующим коллегам: Марку Стайнбергу, Джону Рэндольфу, Валерии Соболев, Лилии Кагановски, Харриет Мьюрев. Своими соображениями и источниками щедро делились Кристан Ноак, Эва Маурер, Джулиан Греффи. Льюис Сигелбаум, мой компаньон по путешествию через советскую историю, проявил себя как понимающий читатель и собеседник. Но главное, я хочу подчеркнуть то, какую большую роль сыграла в осуществлении этого проекта Энн Горсач. В последние десять лет мы совместно исследовали советский туризм, иногда работая в архивах буквально бок о бок, делясь идеями, источниками, вместе обедая. Более того, она стала моим первым читателем, бескорыстно давала советы, всегда безошибочные, и поощряла все мои занятия. Роджер Кенкер со своим неизменным добрым юмором наблюдал за тем, как я работаю над этой книгой, задавал наводящие вопросы и неизменно поддерживал меня.

Введение

Отпуск, туризм и парадоксы советской культуры

В ноябре 1966 года видные советские деятели рассказали корреспондентам одной из центральных газет, как им видится идеальный отпуск. Для экономиста А. Г. Аганбегяна, впоследствии ставшего одним из «архитекторов перестройки», это был сплав по сибирским рекам – связанная с трудностями, но укрепляющая организм встреча с дикой природой. Поэтесса Р. Ф. Казакова сожалела о том, что люди ее поколения (хотя она родилась в 1932 году, как и Аганбегян) не знают, что такое настоящий отпуск, и писала, что его проведению нужно учиться – и лежать на пляже, и скользя на лыжах между деревьев зимним днем. С. Антонов, слесарь, Герой Социалистического Труда, радовался тому, что ему полагается отпуск. «Отпуск предоставляется раз в год, и я стараюсь, чтобы не было во время отдыха ни одного “потерянного”, бесцельно проведенного дня. Конечно, важно, чтобы, кроме зарядки бодрости, на целый год оставались приятные воспоминания». С большим удовольствием он вспоминал о туристической поездке на Кавказ, совершенной два года назад, об увиденных им горах, долинах, городах. Антонов возил с собой мандолину, чтобы везде звучала музыка, и путешествовал с друзьями, чтобы всегда быть в хорошей компании¹.

Материал вышел в конце года. Чуть раньше газета провела опрос читателей, чтобы узнать, как они предпочитают проводить летний отпуск – в санатории, дома или в туристической поездке, наслаждаясь видами и приключениями. Эта озабоченность ежегодным отпуском была одним из проявлений повышенного внимания, которое социологи, экономисты и политики начали уделять «проблеме досуга»: знак того, что время жертв прошло, что работа – не самоцель, а средство, позволяющее вести лучшую, более гармоничную жизнь, что свободное время не меньше, чем работа, влияет на формирование личности советского человека и что коммунизм станет реальностью, когда будут полностью удовлетворены желания советских людей, связанные с досугом и потреблением [Гордон, Клопов 1972; Грушин 1967]. В 1970–1975 годах инвестиции государства в транспортную и гостиничную инфраструктуру, предназначенную для проведения досуга, должны были увеличиться в четыре раза: число тех, кто проводил свой ежегодный отпуск вне дома, будь то внутри страны или за границей, как предполагалось, будет постоянно расти. Судя по высказываниям известных деятелей, приведенным выше, граждане СССР могли проводить отпуск по-разному, нагружая его разнообразными смыслами и ценностями.

Эта книга посвящена тому, как выглядел отпуск – включая туризм – в Советском Союзе с 1920-х до середины 1980-х годов, то есть на протяжении 60-летнего периода. Те, кто занимается советской историей, склонны в первую очередь делать акцент – что совершенно справедливо – на драматических эпизодах, связанных с насилием, репрессиями, страхом и раскрывающих весь масштаб бедствий, вызванных войной, политическими чистками и существованием системы лагерей. Советский режим, как известно, ограничивал передвижения граждан через паспортную систему и лишение свободы и, кроме того, насильственно переселял сотни тысяч людей под предлогом развития экономики. Но есть и другая сторона советской истории, о которой необходимо рассказать: это позволит лучше понять характер взаимоотношений между народом и государством, а также объяснить устойчивость коммунистического режима и его ценностей. История туризма и отпуска в СССР – это история о том, какого рода систему и общество коммунисты намеревались построить изначально, каким они представляли и как создавали это общество, и, наконец, о том, как выглядела жизнь людей при социализме.

¹ Комсомольская правда. 1966. 23 ноября.

В центре внимания находятся три основных аспекта советского опыта. Во-первых, это смещение акцента с производства на потребление, вызывавшее много критики: как режим и граждане решали проблему перехода к «хорошей жизни» и сотрудничали, чтобы обеспечить этот переход. Во-вторых, это особое соотношение целесообразности и удовольствия, которое учитывалось при разработке советской политики в сфере отдыха и ее практической реализации. И в-третьих, это фундаментальный парадокс советской идеи: как и почему авторитарное государство поощряло автономию и самодостаточность граждан посредством таких инструментов, как отпуск и туризм.

Работы, посвященные истории туризма и отпуска на Западе, касаются роли потребления в современном капиталистическом обществе; соответственно, мы исследуем становление потребительской культуры в Советском Союзе. Само по себе потребление – это и индивидуализация, и экономическая деятельность, ведущая к росту национальной экономики. Известное высказывание А. Смита гласит: «Потребление – единственный конец и единственная цель всякого производства» [Smith 1937: 625]. Уже в первые годы существования СССР представлялось, что истинный коммунизм принесет с собой изобильную, благополучную жизнь и это оправдывает временные жертвы и низкий уровень жизни – положение, наблюдавшееся в СССР до 1950-х годов. Теоретики потребления говорят о «потребительной стоимости» и «знаковой стоимости» товаров: они тесно взаимосвязаны и оказывают влияние на выбор потребителя [Douglas, Isherwood 1979; Веблен 1984; De Vries 2008; Бодрийяр 2019]. Политика в области потребления, поначалу проводимая советскими властями, была нацелена в первую очередь на полезность: пропагандируя исключительно «полезное» потребление, они рассчитывали устранить «показное», что должно было привести к росту благосостояния советских граждан. Однако с самого начала существования СССР доступ к предметам потребления стал неотъемлемой частью системы стимулирования, призванной поощрять выбор, который шел на пользу одновременно и гражданам, и государству. Лучшие рабочие, а также известные люди приобретали недоступные для других товары и услуги; это касалось и досуга. Предметы потребления, включая досуговые поездки, использовались государством также для того, чтобы сформировать образцового советского человека, культурного потребителя и культурного гражданина.

К концу 1950-х годов, после смерти Сталина, когда потребление признали одной из главных целей экономического развития, экономика уже была диверсифицирована до такой степени, что советские потребители могли позволить себе роскошь выбора товаров и услуг. Как отмечает С. Рид, этот выбор отражал их представления о самих себе, позволял выделиться достойным образом, позиционируя себя в качестве современных активных граждан [Reid 2006: 227–268; Осокина 1998; Gronow 2003; Hessler 2004; Siegelbaum 1988; Hilton 2011]. Данная книга наглядно показывает, как превращение человека в туриста, осваивающего правила социалистического отпуска, стало одним из путей, ведущих к «хорошей жизни» в ее советском понимании.

Одновременно такой подход к советскому туризму, рассматриваемому на всем протяжении существования страны, демонстрирует, каким образом централизованная плановая экономика чинила препятствия устремлениям и повседневным практикам людей, а также формировала их. Механизмы социалистической экономики хотя и обеспечили невиданный ранее рост производства и повышение качества жизни, особенно в послевоенный период, все же не могли удовлетворить постоянно растущий спрос населения. Экономика дефицита влияла на потребление досуговых услуг так же, как и товаров. Неспособность режима удовлетворить нужды людей в сфере потребления привела к реформам 1980-х годов, известным как «перестройка», которые парадоксальным образом приблизили конец утопических ожиданий, связанных с социализмом и централизованным планированием.

То, что в нынешнем капиталистическом мире называется «туризмом» или «отпуском», в СССР существовало в виде двух различных явлений. «Отдых», как предполагалось, прово-

дился в санатории на «курорте» или в доме отдыха на природе, предпочтительно рядом с водой. «Туризм» изначально подразумевал активный досуг, включая осмотр природных и рукотворных достопримечательностей при передвижении пешком, на велосипеде, байдарке или гребной лодке. С 1920-х по 1950-е годы нормой был отпуск, проведенный на курорте. До 1917 года состоятельные люди ездили на воды в Кисловодск или на море в Ялту, и одной из задач революции было обеспечение доступа трудящимся к этим благам. При создании новой системы ежегодного отпуска учитывался существующий опыт, и советским курортам пытались придать былую «аристократическую» ауру.

Однако советский туризм и отдых на советских курортах заметно отличались от того, что было прежде, своей высокой содержательностью. Отпуск должен был, в первую очередь, не приносить удовольствие, а позволить отдыхающим восстановить свои силы и здоровье, чтобы по возвращении еще энергичнее взяться за работу. Продуктивный, медицинский аспект отпуска, даже когда речь шла о туристах, оказался прочно укоренен в советской культуре путешествий; чаша весов обычно склонялась в сторону содержательности, а не удовольствия. Принятие солнечных ванн, например, было медицинской процедурой, которая осуществлялась под строгим наблюдением медицинского персонала. Участнику пешего тура требовалась медицинская справка, подтверждавшая, что он способен выдержать нагрузку. Качество отпуска, проведенного в доме отдыха, определялось количеством килограммов, набранных на здоровой диете. Предполагалось, что отпускники повышают свой культурный уровень, приобретают новые знания; в этом отношении они напоминали современных западных туристов, старающихся узнать побольше о местах, куда они направляются, и о культуре страны. «Недостаточно просто видеть, – указывает социолог Жан-Дидье Урбен. – Надо видеть *как следует*» [Urbain 1991: 65]. Только активное передвижение дает возможность туристу ощутить местные особенности и развить чувство прекрасного. Внутренний туризм, как при капитализме, так и при социализме, содействует воспитанию патриотизма, когда человек посещает природные достопримечательности (Большой каньон или горы Дагестана) или места, связанные с национальной исторической памятью (поля боев во Фландрии или партизанские тропы Крыма). Советские туристические базы и здравницы предлагали культурные программы, которым отдавалось предпочтение перед «бездумными» развлечениями. Здесь они следовали в общем русле развития современного туризма, нацеленного на самосовершенствование человека.

Стремление «нагрузить смыслом» досуговые поездки и отдых было важным элементом советской отпускной политики, которая характеризовалась поиском содержательности. Культивирование советских ценностей и норм, как считалось, привело бы к искоренению «вульгарных», «буржуазных» потребительских практик. Активисты туристического движения и руководство здравниц должны были разработать соответствующие нормы и правила поведения, а также следить за их исполнением. Далее будет рассказано, как одним из эпизодов в истории советского туризма стало затяжное противостояние между активистами, пропагандировавшими активные, нелегкие и содержательные путешествия, для которых не было «ни одного “потерянного”, бесцельно проведенного дня», и чиновниками, полагавшими, что спокойный отдых – лучшее средство для восстановления сил после года работы. Однако к концу 1960-х годов последние предоставили сделать выбор потребителям, вероятно, в уверенности, что новый советский человек уже полностью сформировался и будет самостоятельно применять принятые в советском обществе нормы.

Исследователи туризма подчеркивают роль досуговых поездок в сплочении нации как при демократическом, так и при авторитарном правлении. Даже в странах с либеральным, демократическим режимом туризм и отдых имеют важное значение для государственного строительства. М. Шаффер отмечает, что в период с 1880 по 1940-е годы власти США активно пропагандировали туризм как ключевой элемент американского образа жизни; поездки представителей среднего класса положили начало национальной культуре туризма [Shaffer 2001:

2–6; Aron 1999: 130; Brown 1995; Sears 1989]. Во многих местах государственные органы принимали деятельное участие в пропаганде туризма, видя в нем фактор экономического роста и средство распространения влияния страны за рубежом [Beckerson 2002: 133–157; Steward 2001: 108–134]. К. Энди, изучавший американскую программу отправки туристов во Францию в послевоенные годы, показывает, как простая заграничная поездка может содействовать достижению целей правительства внутри страны и за ее пределами. Отправка американцев в Париж была частью плана Маршалла, призванного возродить экономику Европы и сдержать распространение коммунизма. Но парадоксальным образом и, может быть, это предусматривалось планом, зарубежные поездки «далеко не всегда приводили к созданию новой транснациональной идентичности, чаще всего они укрепляли существующую национальную идентичность» [Endy 2004: 6, 49].

В XX веке агрессивные националистические режимы активно пропагандировали туризм и досуговые поездки, рассчитывая с их помощью сплотить общество, разделенное на различные слои. Государственные организации, образованные в фашистской Италии (*Dopolavoro*, дословно «после работы») и нацистской Германии (*Kraft durch Freude* (KdF), дословно «сила через радость»), разрабатывали и координировали многочисленные досуговые программы и мероприятия. Как пишет Ш. Барановски, в 1930-е годы *KdF* занималась организацией коллективных туристических поездок для среднего класса и рабочих Германии [Baranowski 2004; De Grazia 1981; Semmens 2005; Purs 2006:97-115]. При их планировании отвергался принцип личного удовольствия и поощрялся коллективизм:

следовало наслаждаться возвышенным, культурным товарищеским общением с остальными участниками поездки, заниматься самообразованием, изучая искусство и архитектуру Античности, достигать внутреннего равновесия, готовясь возвратиться к работе, совершенствовать знание истории, расширять свои горизонты, отправляясь из родной деревни или региона в новые, необычные места [Baranowski 2004: 143].

В Советском Союзе «туризм» изначально вызывал подозрения именно из-за того, что он ассоциировался с игрой и удовольствием. Поэтому первые активисты туристического движения настаивали на том, что настоящий социалистический туризм должен быть суровым, аскетичным, связанным с физическими испытаниями. Буржуазный туризм – пакетные туры, флигельные отели – отвергался вместе со многими другими буржуазными практиками и клеймился как «мещанский». Отели, символизировавшие этот буржуазный подход, попросту не строились. Наподобие западных аристократов и Г. Джеймса, ранние адепты советского туризма отвергали обычный туризм как донельзя вульгарный [Buzard 1988; Urbain 1991]. Подлинный социалистический туризм должен был опираться на турбазы, состоявшие из недорогих палаток для проживания и нескольких центральных зданий, где размещалась столовая и проводились культурные мероприятия. В 1960-е годы такие турбазы больше напоминали скаутские лагеря, нежели обычные для капиталистических стран отели и пансионаты.

Однако было бы ошибкой делать вывод, что содержательный советский досуг исключал удовольствия или что они рассматривались как нечто чужеродное. Д. Кроули и С. Рид пишут: «Удовольствие было неотъемлемой частью коммунистической утопии, основанной на таких понятиях, как изобилие и удовлетворение всех потребностей» [Pleasures in Socialism 2010: 3]. Иными словами, потребление и удовольствие, тесно связанные друг с другом, были двумя составляющими советской мечты. Отличие от капитализма заключалось в том, что доступ к удовольствиям имели все граждане, а не только элита: в этом состоял один из основополагающих принципов нового общества. «Право на отдых» было прямо закреплено в Конституции СССР 1936 года. Отдых, проведенный вне дома, был не только способом восстановить физическую форму, но и возможностью получить новые знания и опыт, а также ощутить себя частью

большого народа. Поездка на отдых порождала, кроме того, ожидание и волнение, а последующие воспоминания доставляли удовольствие в течение целого года (о чем с энтузиазмом говорил слесарь Антонов). Поразительные виды, современные городские пейзажи, обильное питание, купание в теплом море под лучами солнца, захватывающие поездки в горы или катание на моторной лодке вдоль берега, ночные танцы и киносеансы и даже возможность испытать любовное приключение – все это резко контрастировало с повседневностью. Советские отпускники и туристы рассыпались в похвалах своему отдыху.

В данной истории отдыха и туризма рассматривается парадокс: как осуществлялось потребление в социалистическом обществе, целью которого были индустриальные свершения? Демонстрируется, что потребление всегда являлось одной из важнейших составляющих советской мечты. Советские отпускные практики представляли собой парадоксальное сочетание удовольствия и содержательности. Но главный парадокс, который находится в центре внимания, выглядит так: каким образом политика и практики в сфере отпуска и туризма открыто поощряли личную автономию в государстве, основанном на принципах коллективизма? В данной книге изучается процесс становления «нового советского человека», *Homo Sovieticus*, который обычно виделся образованным, инициативным, готовым прийти на помощь, примерным членом коллектива: первоочередной целью советского туризма и было создание такого человека. Все это вело к появлению лояльных граждан, признававших и ценивших существующий режим, который поощрял стремление к приобретению нового опыта и саморазвитию.

Исследователи туризма на Западе подчеркивают его важность для формирования независимого, уверенного в себе среднего класса [Mackaman 1998; Koshar 2000; Being Elsewhere 2001; Palmowski 2002: 105–130; Young 2002: 169–189]. Туризм создавал, пользуясь определением Дж. Урри, «эстетических космополитов», считающих, что они имеют право совершать поездки куда угодно, проявляющих любопытство и открытость, когда речь шла о путешествиях, способных поместить свою страну в более широкий историко-географический контекст [Urry 1995:167]. Эти путешественники, принадлежавшие к среднему классу, отличались от своих аристократических предшественников времен Гран-тура тем, что придавали большое значение приложению усилий и содержательности. Р. Кошар напоминает, что английское слово *travel* происходит от *travail* — «страдание» или «тяжелый труд». «Туризм обретает смысл там, где есть усилия, контакты и взаимодействие» [Koshar 2000: 8]. Для Кошара и социолога О. Лёфгрена туризм – это прежде всего «практика, выделяющая человека из ряда ему подобных»: перемещения и опыт пребывания в различных местах способствуют формированию новых свойств характера, часто связанных с большей открытостью. Лёфгрэн так пишет об отпуске, проводимом вдали от дома:

Я считаю отпуск культурной лабораторией, в которой человек экспериментирует с новыми чертами своей личности, своих отношений с другими членами общества и природой, а также применяет важные культурные навыки – фантазирование и путешествие в мыслях... Отпуск – одна из немногих утопий, которые мы еще можем воплотить в жизнь [Koshar 2000: 204; Lofgren 1999: 7].

В советском туризме действовали иные правила, нежели прописанные Лёфгреном нормы для среднего класса: поощрялись групповые поездки, на первый план выдвигалась роль коллектива. Это относилось даже к пребыванию на курортах, куда (согласно торжествующим пропагандистским заявлениям) съезжались люди со всех концов Советского Союза, знакомясь друг с другом и вместе восстанавливая силы в процессе культурного отдыха. Туристические поездки неизменно были групповыми – это могли быть небольшие самоорганизованные компании бывалых туристов или же группы из двадцати пяти, ста, двухсот человек – стандартные числа для коллективной поездки. Выбор этих чисел отчасти объяснялся логистикой: руково-

дители туристической отрасли полагали, что легче распланировать все для коллектива из двадцати пяти человек, чем принимать во внимание множество индивидуальных предпочтений. Групповой туризм облегчал наблюдение, особенно за границей. Это было и вопросом идеологии: туристы и отдыхающие учились не только ставить палатки и разжигать костер, но также объединяться в коллектив и успешно трудиться в суровых условиях вместе с новыми знакомыми. Акцент на коллективное времяпровождение может означать, что туризм и досуг рассматривались прежде всего как средства доминирования. Действительно, составители сборника статей о культуре удовольствия в нацистской Германии утверждают, что развлечения, народные праздники и т. п. могут служить интересам государства, создавая стабильное и лояльное этнонациональное сообщество [Pleasure and Power in Nazi Germany 2011: 1–9].

И тем не менее приобретение навыков коллективного существования вело, как ни парадоксально, к осознанию своей индивидуальности и повышению уверенности в себе; задача создания советского человека с неповторимыми личными особенностями играла ведущую роль в установлении норм и ценностей, относящихся к отпуску². Советский туризм иллюстрирует «парадокс Лефора», который А. В. Юрчак определил следующим образом:

Советского гражданина призывали полностью подчиниться партийному руководству, культивировать коллективистскую мораль, подавлять индивидуализм, но в то же время становиться просвещенным, независимо мыслящим индивидом, стремящимся к знаниям, пытливым и творческим человеком [Yurchak 2006: П]³.

Следуя строгим правилам, установленным партией для туриста (выразившимся, например, в условиях получения значка «Турист СССР») или отпускника (отраженным в стандартном режиме курортного заведения), советский турист мог прийти к подлинной самореализации. Данная книга показывает, как возникло противоречие между намерениями государства, видевшего в досуговых поездках средство воспитания лояльных подданных, и усилиями граждан, которые стремились с помощью этих поездок укрепить свое личное благосостояние.

История отпуска и туризма в СССР в целом является частью истории современного туризма в широком смысле, включая такие его аспекты, как потребление, национальное сплочение и самореализация человека. Философ и культуролог Д. Маккеннелл отмечает: «“Турист” – одна из лучших моделей, доступных современному человеку в целом» [MacCannell 1999: 1]. При этом у «советской модернизации» – поиска социалистического, коммунитарного пути, ведущего в современность, – имелись собственные отличительные черты и предметы особого внимания. Стремление наполнить смыслом туристические поездки привело к созданию в 1927 году Общества пролетарского туризма, призванного пропагандировать туризм среди широких масс трудящихся, а также разработать особую, социалистическую разновидность сознательной досуговой поездки. «Пролетарский туризм» понимался как массовое движение, в которое с пользой для себя мог влиться каждый. Дома отдыха и курорты стали доступны в первую очередь пролетариям, новому правящему классу: то были осязаемые плоды победы пролетариата над дворянством и буржуазией. Отличительные черты советского туризма и отдыха – упор на медицинское обслуживание, привилегии для промышленных рабочих, преимущественно групповые поездки, содержательность – свидетельствовали о попытке создать социалистическую разновидность досуговой поездки, уникальную и притом передовую.

² Об особенностях советского коллективизма см. [Kharkhordin 1999].

³ Юрчак опирается здесь на труды французского философа К. Лефора, исследовавшего парадокс, присущий современной идеологии в целом: разрыв между просвещенческими идеалами и реальными нуждами современной государственной власти, а также необходимость принятия всеми «объективной истины», якобы не имеющей отношения к власти. См. [Lefort 1986:10–11].

Изучая историю туризма с момента создания первой массовой организации в 1927 году и до середины 1980-х годов, можно наблюдать, как потребление услуг, связанных с досуговыми поездками, способствовало возникновению и закреплению новых социальных различий и даже расслоению внутри советского общества. Однако – вот еще один парадокс – к 1960-м годам идеальным объектом советской политики стал не промышленный рабочий, а потребитель, принадлежавший к среднему классу. Туризм и отдых в СССР сделали массовым явлением, но к этому времени оказалось, что «массы» – это советский средний класс, то есть интеллигенция. Доступ к досуговым поездкам – шла ли речь о турпоходах или курортном времяпровождении – получали и активно стремились получить в первую очередь обладатели значительного культурного багажа, представители образованного среднего класса, ряды которого стали заметно пополняться во второй половине XX века, особенно в 1960-е годы. Термин «буржуазия» оставался под запретом, обозначая классового врага, но позднесоветские отпускники и туристы относились именно к буржуазии, принадлежа к городской культуре с ее ценностями: преуспеваемостью в пределах допустимого, умеренным потреблением, культурностью, тягой к знаниям, осознанием своего права на комфорт, известным набором услуг и маленькими удовольствиями. Эта «среднеклассовая» реальность на протяжении большей части 1960-х годов сосуществовала наряду с идеалом аристократического отдыха на курорте. Затем организаторы туристических и отпускных поездок стали отказываться от громадных «дворцов наслаждений» в пользу более утилитарных типовых гостиниц.

Институциональные структуры, обеспечивавшие туризм и отдых в СССР, также отличались от того, что имелось на Западе и в царской России. Соответствующие услуги с самого начала оказывались либо Народным комиссариатом здравоохранения, либо Обществом пролетарского туризма (формально – добровольной организацией). Туризм в СССР, в отличие от других стран, был не отраслью экономики, а общественным движением. Позже туризм и курортный отдых перешли в ведение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), который должен был заботиться о благосостоянии народа в широком смысле слова. На протяжении всего советского периода способность государства обеспечивать досуговые поездки намного уступала спросу со стороны граждан, и все громче звучали голоса тех, кто предлагал улучшить организацию дела, переведя его на коммерческую основу. До самого крушения социализма, несмотря на постоянно крепнущие призывы создать «туристическую отрасль», отдых в СССР организовывался, финансировался и предоставлялся местными профсоюзами, формально не являвшимися частью государства, но в то же время действовавшими вне рынка.

В книге прослеживается история отдыха и туризма в СССР начиная с 1920-х годов, когда начала создаваться курортная инфраструктура и было образовано Общество пролетарского туризма. В главе первой рассматриваются принципы, изначально положенные в основу советского курортного отдыха (восстановление сил под присмотром врачей в интересах производства). Однако на протяжении 1930-х годов задачи такого «медицинского» отдыха начинают меняться, все больше внимания уделяется получению удовольствия. В главах второй и третьей рассказывается о начальном периоде существования советского туризма (1920-е и 1930-е годы) и его превращении из добровольного движения в услугу, оказываемую профсоюзными организациями. В главе второй подробно описываются идеологические функции советского туризма – попытки придать значение досуговым поездкам пролетариев – и его институциональная история, отражавшая соперничество между различными ведомствами в сталинскую эпоху. Глава третья посвящена в первую очередь практической стороне советского туризма, тому, какие именно поездки совершались и кто был их участником. По моему мнению, к концу 1930-х годов в стране начали появляться современные виды проведения досуга, которых жадно искали новая советская элита и формирующийся средний класс: «медицинские» задачи были подчинены получению удовольствия. Как указывают другие исследователи, понятие «хоро-

шей жизни» получает распространение именно в 1930-е годы [Gronow2003; Фицпатрик 2001; Pleasures in Socialism 2010]. Великая Отечественная война затормозила этот процесс, но не изменила его сути. Глава четвертая касается отдыха и туризма в послевоенные годы. Главной задачей в этой сфере было восстановление разрушенного во время боев; общее направление развития было задано еще до войны, и об изменении структуры, содержания и смысла отдыха почти не заботились.

Три последние главы посвящены периоду с середины 1950-х годов до перестройки, когда происходило сближение двух принципиально разных видов проведения досуга – курортного отдыха и активного туризма. В главе пятой показано, как пребывание на курорте превратилось из лечения в объект желания потребителей. Несмотря на развитие туризма и появление новых маршрутов, курортный отдых оставался золотым стандартом для многих советских граждан, особенно промышленных рабочих.

В главе шестой говорится о расширении географии советского туризма, которое стало особенно заметным в 1960-е годы, и о первых зарубежных туристических поездках. С 1955 года стали организовываться групповые туры в социалистические, а иногда и в капиталистические страны. По своим масштабам зарубежный туризм был не сравним с внутренним, но, как я полагаю, выезды советских туристов за границу решительным образом, хотя и не сразу, изменили культуру отдыха в СССР. Туристическая индустрия в Восточной Европе опиралась на солидную довоенную базу: отели и связанные с ними службы, рестораны, хорошо подготовленные гиды были обычными атрибутами «буржуазного» туризма. Советские туристы и чиновники, ведавшие отраслью, усваивали эти «буржуазные» практики, и отношение к запросам потребителей в отношении разнообразия, комфорта, качества услуг и семейного отдыха становилось все более позитивным⁴.

В главе седьмой рассматривается процесс создания в СССР полноценной туристической отрасли, под влиянием зарубежных образцов и растущего уровня жизни. В начале 1980-х годов он был далек от завершения. Суть его состояла в том, чтобы строить гостиницы вместо санаториев и следовать вкусам потребителей, а не пытаться формировать их. Следует отметить еще два обстоятельства: во-первых, сближение пассивного отдыха с туристическим, во-вторых, постепенное расхождение между ценностями, которые связывало с туризмом государство, и теми, которые закладывали в него сами туристы и отдыхающие.

Повествование заканчивается на середине 1980-х годов. Реформы, начатые в 1986 году в рамках перестройки, привели к изменению экономической структуры, обеспечивавшей досуговые поездки. Первой из них стало разрешение на создание кооперативов, призванных предоставлять разнообразные потребительские услуги. Затем последовало образование совместных предприятий с компаниями из капиталистических стран в области туризма и транспорта, а также в других сферах: это еще больше изменило привычную инфраструктуру советских досуговых поездок. Однако реформы потерпели неудачу, что внесло свой вклад в падение уровня жизни и стало одной из причин отказа государства субсидировать отдых граждан. Перестройка, на которую так надеялись экономисты вроде А. Г. Аганбегяна, лишила советских людей возможности путешествовать – той, которую будущий «архитектор перестройки» воспевал в 1966 году. К концу существования СССР досуговые поездки стали не по карману большинству

⁴ В том, что касается освещения туризма в послесталинскую эпоху, я многим обязана Э. Горсач, проанализировавшей в своей работе [Gorsuch 2011] попытки узнать и понять Запад, предпринимавшиеся в СССР после войны. Горсач начинает с внутреннего туризма, затем переходит к поездкам в «почти европейские» республики – Эстонию, Латвию, Литву – и, наконец, к вояжам в Восточную и Западную Европу. На примере туризма она пытается понять суть хрущевской политики, подразумевавшей большую открытость по отношению к миру, и анализирует реакцию советских туристов на встречу с «другими» – представителями Запада. Горсач сосредотачивается исключительно на туризме, тогда как в моей работе рассматриваются досуговые поездки в целом, включавшие в себя и пассивный отдых, и активный, то есть туризм. Для Homo Sovieticus было чрезвычайно важно получить свой ежегодный отпуск, будь то отдых на море или туристическая поездка.

жителей страны, притом что каждый теперь имел право свободно выезжать за границу. Этот новый парадокс еще ждет своих исследователей.

Глава первая

Починка человеческого мотора

В СССР, где была официально принята марксистская теория трудовой стоимости, труд прославлялся как основа личного достоинства и средство создания общества, где царит изобилие. Труд, умственный либо физический, был обязанностью каждого гражданина. Считалось, что он облагораживает и является высшим призванием человека. Однако труд изнашивает организм – и поэтому неотъемлемой частью социалистической экономики, наряду с созданием условий для продуктивной работы, являлся продуктивный отдых. Восьмичасовой рабочий день, один-два выходных в неделю, ежегодный отпуск – такими были три основания зарождавшейся советской системы восстановительного и оздоровительного отдыха.

Ежегодный отпуск был самым оригинальным из советских изобретений, нацеленных на повышение благополучия трудящихся. Трудовой кодекс 1922 года провозглашал – впервые в мире – право на ежегодный двухнедельный отпуск для всех, кто трудился по найму и проработал непрерывно не менее одиннадцати месяцев. Еще в 1919 году власти приступили к созданию отпускной инфраструктуры, призванной принести трудящимся максимальную пользу во время ежегодного восстановления¹. Курорты, по словам наркома здравоохранения Н. А. Семашко, должны были стать «ремонтными мастерскими для восстановления⁵ здоровья трудящихся», предлагающими отдых и медицинский уход для обретения сил и энергии перед очередным рабочим годом. У французских рабочих, подчеркивал Семашко, есть только один дом отдыха – кладбище [Семашко 1923: 8]. Советские же рабочие пользовались безусловным правом на отдых, закрепленным позднее в Конституции СССР 1936 года.

В данной главе рассматривается практика пребывания советских граждан в домах отдыха и на «курортах» в 1920-30-е годы, а также эволюция воззрений на отдых при социализме. Вопрос о том, чем именно является отдых – необходимостью, связанной с восстановлением здоровья, или завоеванием социализма, – находился в центре дискуссий, повлиявших на планы по строительству отпускной инфраструктуры и предоставление доступа к ней. Независимо от этих дискуссий, отдыхающие выказывали собственные предпочтения относительно развлечений, медицинского ухода и оздоровительных процедур. К концу 1930-х годов курортный отдых в СССР уже подразумевал не только лечебные процедуры, но и получение удовольствия, и притягивал в большей мере советскую элиту, нежели трудящихся, нуждавшихся в восстановлении сил.

⁵ Декрет от 4 апреля 1919 года предусматривал национализацию всех курортов и прочих учреждений здравоохранения [Гольдфайль, Яхнин 1928: 10].

Социалистический отдых

Во время дискуссий относительно производства, досуга, потребления и здоровья, которые велись в СССР, первоначально подчеркивался утилитарный характер досуга при социализме. Новые формы отдыха были призваны способствовать восстановлению сил после напряженной работы на производстве, отмеченной ударным трудом и социалистическим соревнованием. Научная организация труда требовала научной организации отдыха [Данишевский 1933: 68; Бергман 1927а: 7]. Пролетарский отдых не имел ничего общего с «кино, кеглями, пивом и танцами», как заявлялось официально [Бергман 1927а: 15,18], он имел отношение к серьезным вещам: производству и здравоохранению. По этой причине медицинское обслуживание являлось неотъемлемой частью ежегодного отдыха советского человека. Рационально устроенный отдых подразумевал предварительное посещение врача, и те, кто пропагандировал его, советовали отдыхающим следить за состоянием своего здоровья, чтобы выполнить стоявшие перед ними обязанности по рациональному восстановлению сил⁶. Человек, как и машина, нуждался в ремонте и восстановлении; социалистический отдых восстанавливал тело пролетария, уподоблявшееся машине⁷.

Как указывал известный курортолог и климатолог Г. М. Данишевский, при социализме отрицается понимание «отдыха» как «покоя, бездействия, праздного времяпровождения».

...система правильно организованного отдыха должна активизировать рабочего, колхозника, укреплять их волю к труду и правильно сочетать развлечения, игры, увлекательные занятия с расширением их политического производственно-технического и общекультурного кругозора [Данишевский 1933: 69].

Ежегодный отпуск был своего рода пустой оболочкой, которую предстояло заполнить деятельностью, значимой в социальном, культурном и экономическом планах – отдыхом. Во время практических дискуссий слово «отдых» часто заменялось другим – «оздоровление», что еще больше подчеркивало физиологическое значение отпуска⁸. В СССР ежегодный отпуск должен был быть содержательным: государство и отдыхающий совместно вкладывались в него, чтобы восстановить общественно полезную рабочую единицу и добиться личностного роста.

Некоторые эксперты полагали, что в социалистическом государстве потребность в отпуске вообще исчезнет – «нормальный» труд при социализме не приводит к переутомлению рабочего, и кроме того, сама жизнь в избытке предоставляет разнообразные впечатления и опыт. «Когда мы придем к полной нормализации условий труда, тогда мы будем говорить о том, что стимул для декретных отпусков исчез», – утверждал один специалист по социальному страхованию. Другие заявляли, что, поскольку труд в СССР есть «дело чести... дело славы... дело доблести и геройства», сама идея отпуска обесценивает понятие социалистического труда. Как указывали в 1932 году специалисты по здравоохранению, считать труд вредным – это меньшевистская точка зрения⁹.

⁶ См., напр., указания по получению медицинской справки в [Архангельская 1935: 20; Путешествия по СССР 1938: 202–205; Лифшиц 1923; Белобородов 1923].

⁷ ГАРФ. Ф. 5528. Он. 4. Д. 132. Л. 152 (материалы конференции, посвященной отдыху рабочих (май 1932)). О соответствующем образе «машины» в литературе см. [Hellebust 2003].

⁸ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. ПО. «Оздоровление» было базовым принципом советской общественной системы здравоохранения, но, как указывает Д. Бир, это понятие возникло в ответ на «вырождение», будто бы наблюдавшееся в позднеимперской России [Beer 2008]. См. также [Hutchinson 1990].

⁹ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 11, 81–82, 93–95, 151. Специалист по страхованию приписывал эту точку зрения – с которой не был согласен – сотрудникам Госплана, считавшим, что дома отдыха следует «ликвидировать как класс» (Л. 95).

Большинство советских экспертов сходились на том, что идеальная социалистическая система отдыха должна иметь основой науку, с целью оптимального распределения отпускного времени. В этом отношении СССР прямо продолжал традиции европейского Просвещения, исповедовавшего научный подход к проблемам здоровья и в целом к человеческому организму. Культура французских оздоровительных курортов XIX века породила научный подход к терапевтическим процедурам, применявшийся с 1830-х годов: он включал в себя строго определенное использование времени, отмерявшегося по звонку, в точности как на капиталистических фабриках. Те, кто принадлежал к элите российского общества – примером может служить толстовский Алексей Каренин, – издавна привыкли лечиться на французских, немецких, швейцарских курортах, и такие практики были для них обыденным делом: «Как и в прежние года, он с открытием весны поехал на воды за границу поправлять свое расстраиваемое ежегодно усиленным зимним трудом здоровье и, как обыкновенно, вернулся в июле и тотчас же с увеличенной энергией взялся за свою обычную работу» [Толстой 1970: 172].

Под конец существования Российской империи появление новых профессий и стремление представителей среднего класса беречь свое здоровье вызвали бурный рост предложений разнообразных медицинских услуг, которые учитывали последние достижения науки и были доступны рядовому потребителю; в число их входило и пребывание на курортах [Mackaman 1998: 96–98; Morrissey 2010: 645–675]. Советская медицина основывалась на этих традициях, но к ним прибавилось три чисто социалистических принципа: централизованное оказание медицинских услуг, бесплатная медицинская помощь, особое внимание, уделяемое профилактике заболеваний, гигиене и общественному здравоохранению [Weissman 1990: 97; Solomon 1990].

Советские чиновники от здравоохранения, собравшиеся в 1933 году, чтобы обсудить проблемы «рабочего отдыха», прекрасно владели научной терминологией того времени, и медицина легла в основу советских отпускных практик [Данишевский 1933: 77]. Климатотерапия (солнце, море, свежий воздух), занятия физкультурой (утренняя зарядка, волейбол, оздоровительные прогулки), здоровое питание являлись залогом того, что ежегодный отпуск будет научно спланированным и содержательным. Физическое состояние человека, указанное в медицинской справке, определяло выбор наилучшего вида отдыха: шестинедельное лечение в туберкулезном санатории, месячное пребывание в здравнице на лоне природы или длительный туристический поход – для физически здорового, но эмоционально истощенного горожанина. Врачи подписывали справки, позволявшие отдыхающим получать путевки на курорты и в дома отдыха; врачи осматривали пациентов по прибытии и отправляли их домой, выдав подробное заключение о состоянии здоровья. Грань между лечением и обычным отдыхом оказывалась зыбкой, и обычно термины «больной» и «отдыхающий» были взаимозаменяемыми. На заре советской власти предполагалось, что немногочисленные места на курортах и в домах отдыха будут предоставляться тем, кто больше всего нуждается в медицинской помощи – прежде всего больным туберкулезом, но также страдавшим от неврастения. Вскоре, однако, эти ограничения исчезли – в обществе возник массовый запрос на предоставление всем трудящимся возможности восстановить свои силы. Свеженационализированные курорты оказались слишком притягательными, чтобы закрепить их за одними лишь тяжелобольными. Отпуск в «здравнице» стал рассматриваться как средство поощрения за примерную работу. Далее будет показано, что распределение немногочисленных мест для отдыха стало производиться не на основе медицинских показаний, а в соответствии с социальным статусом.

Места для проведения досуга и восстановления сил: курорты и дома отдыха

Настоящий социалистический отдых в СССР базировался на достижениях науки XIX и XX веков – и его успех зависел от действий специалистов. Кроме того, задействовалась инфраструктура, унаследованная от старого режима. До начала строительства новых здравниц в этом качестве использовались здания, принадлежавшие дворянам и купцам и национализированные новой властью, в том числе санатории и «пансионаты», которые располагались на курортах и в сельской местности: теперь они стали домами отдыха.

Существовавшая в России курортная инфраструктура использовалась империей в собственных целях. В города Кавказских Минеральных Вод с начала XIX века стали приезжать выздоравливающие офицеры. За ними последовали члены царской семьи, устраивавшие там поместья, что, в свою очередь, привлекло в эти края представителей среднего класса – потребителей досуговых услуг. В Крыму отдыхающие начали появляться со второй половины XIX века, и к концу столетия курортная жизнь уже кипела не только в Ялте, но и по всему побережью, а также на Северном Кавказе. // врачи, и коммерсанты старались привлекать в эти места интересующихся оздоровительным отдыхом – одним из средств, которые предлагались для борьбы с усиливающимися стрессами, атрибутом городской жизни [McReynolds 2003:171–177; Курорты СССР 1936:6–8; Morrissey 2010]. Развитие коммерческой стороны дела можно проследить на примере курортов Абхазии. На Всемирном съезде врачей, состоявшемся в Москве (1898), было определено, что прибрежный город Сухум с населением в 3000 человек обладает идеальными климатическими условиями для лечения легочных болезней, особенно туберкулеза. К этому времени натуралисты уже открыли для себя впечатляющее ботаническое разнообразие региона, и в 1895 году фабрикант и филантроп Н. Н. Смецкой купил там участок, чтобы разбить ботанический сад. В самом начале XX века на участке появилось несколько санаториев,строенных по образцам немецких водолечебниц, известных владельцу. Растущий спрос – пациентов сопровождали родственники, кроме того, санатории стали популярны и у совершенно здоровых людей – привел к сооружению новых гостиниц и пансионатов, куда поставлялись продукты и вина, произведенные в поместьях Смецкого. Севернее Сухума, в приморском городке Сочи, московский предприниматель А. В. Тарнопольский основал обширный курорт, позже ставший известным под названием «Кавказская Ривьера» [Курорты Абхазии 1925; Сочи 1959].

До революции Черноморское побережье Кавказа по своей популярности уступало четырем городам Кавказских Минеральных Вод – Ессентукам, Пятигорску, Кисловодску и Железнодорожному. В начале XIX века в них приезжали на отдых и лечение русские офицеры, включая М. Ю. Лермонтова. После открытия в 1875 году железнодорожной ветки Ростов – Минеральные Воды туда хлынул поток пациентов и отдыхающих. Помимо водолечебниц, питьевых бюветов и медицинских учреждений, в городах стали появляться парки, театры, мюзик-холлы, посетителями которых были клиенты из числа аристократов, коммерсантов и состоятельных специалистов [Гольдфайль, Яхнин 1928: 54–58]¹⁰. Но большинство жителей России предпочитало лечиться за границей. В 1912 году немецкие курорты посетили более миллиона человек, русские – лишь 110 тысяч. Самый посещаемый из них, Ессентуки, привлек лишь 13 000 гостей, в то время как Карлсбад в Богемии – 70 000, в том числе 20 000 русских. В рекламных публикациях утверждалось, что русские курорты почти ничем не уступают европейским – но им не хва-

¹⁰ В 1907 году, который можно считать типичным, более 40 % приехавших в Минеральные Воды были крупными землевладельцами и торговцами, 24 % – средними землевладельцами, 10 % – офицерами, чиновниками, учителями, врачами и т. п. [Курорты СССР 1936: 8].

тало устойчивой репутации, которой пользовались знаменитые западные лечебницы [Гольдфайль, Яхнин 1928: 10].

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война сделала лечение в Европе недоступным для граждан России. Медики покинули лечебницы и присоединились к действующей армии, многие здания на курортах были заняты Красным Крестом и другими общественными организациями: в них устроили госпитали для раненых [Гольдфайль, Яхнин 1928: 58]. После революции для южных здравниц настали тяжелые дни: во время Гражданской войны Крым и другие курортные районы стали тыловыми базами и театрами военных действий. В 1918 году недавно образованное советское правительство располагало всего тремя действующими курортами в центральных областях России¹¹. Вся отрасль пришла в упадок – и клиенты, и владельцы бежали за границу, желая оказаться в безопасности. После завершения Гражданской войны в конце 1920 года власти приступили к восстановлению экономики и ликвидации демографических потерь. Бывшие места отдыха и развлечения для аристократии следовало восстановить и превратить в центры восстановления сил для ветеранов гражданской войны и членов правительства, а в теории – для всех, кто выиграл от смены власти, то есть рабочих и крестьян.

В декабре 1920 года (даже в рядах большевиков тогда наблюдалось смятение, появилась оппозиция руководству) Совет народных комиссаров издал декрет об использовании Крыма для лечения трудящихся, предполагавший национализацию частных владений: «Прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян»¹². Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) получил указание: подготовить 25 000 коек для лечения тех, кто мог считать революцию своей победой. Восстановление экономики произошло намного позже издания Декрета, но в главных курортных областях – в Крыму и в районе Кавказских Минеральных Вод – постепенно начала образовываться сеть социалистических курортов, хотя процесс шел довольно бессистемно. Официально путевки на курорт должны были предоставляться в первую очередь промышленным рабочим, но высшие руководители партии и государства постоянно отдыхали и лечились на черноморском побережье, следуя – на свой коммунистический лад – тем же образцам поведения, которые некогда установили члены императорской семьи и их приближенные. В июле 1923 года из Кремля поступило распоряжение: в течение двух недель подготовить для приема посетителей Дом отдыха имени Карла Маркса в крымском Суук-Су. (Эта авральная работа увенчалась успехом: Розалия Землячка, оставившая запись в книге отзывов Дома отдыха, отметила, что ей понравились питание и условия проживания.) В декабре того же 1923 года врачи отправили Л. Д. Троцкого поправлять здоровье в Сухум, славившийся своим климатом: таким образом, он оказался вдалеке от Москвы в момент смерти В. И. Ленина, и это ослабило его позиции в последовавшей затем жаркой борьбе за власть¹³.

Мировая война и революционные события нанесли стране громадный ущерб, и средств на реконструкцию свеженационализированных курортов было немного. Местные органы власти часто брали дело в свои руки, реквизируя частные больницы и курорты для использования в общественных целях. Наркомздрав управлял большинством учреждений здравоохранения, но не мог обеспечить им достаточного финансирования. В конце концов возникла иерархическая система, продержавшаяся до распада СССР. Лучшие курорты получили статус «общегосударственных»: предполагалось, что их деятельность в основном будет финансироваться

¹¹ Это были: город Старая Русса в Новгородской области (основан в 1828 г.), Липецк на Дону в одноименной области (основан в 1803 г.) и Сергиевские Минеральные Воды в уральских степях (основан в 1833 г.) [Курорты СССР 1923; Курорты. Энциклопедический словарь 1983: 326, 221, 306].

¹² Декрет от 21 декабря 1920 г. См. [Гольдфайль, Яхнин 1928: 202].

¹³ ГАРФ. Ф. 3263 (дом отдыха № 2 ВЦИК (1923–1924)). Оп. 1. Д. 5 (доклады) Л. 1–1 об.; Д. 9. Л. 2; [Троцкий 1991. Т. II: 482–485].

за счет поступлений от пациентов или страховых взносов, но они также получали от государства субсидии на научную работу и новое строительство. Курорты регионального и местного значения должны были содержаться за счет местных бюджетов [Гольдфайль, Яхнин 1928:11]. Кроме того, Центральный совет профсоюзов, коммунистическая партия, Красная армия, государственные ведомства и предприятия содержали и финансировали собственные курорты, число которых постоянно росло. Эти здравницы не подпадали под общегосударственные правила финансирования и приема пациентов и к началу 1930-х годов считались привилегированными. Зарплата сотрудников в них была выше, чем в других местах, и им доставались лучшие пляжи¹⁴.

Таблица 1.1. Число коек и пациентов в советских санаториях, 1920-1927

Год	Число коек	Проживающие пациенты	Приходящие пациенты	Всего пациентов
1918	—	8200	—	—
1919	—	4992	—	—
1920	—	38 883	6569	45 402
1921	29 096	57 687	17 838	75 525
1922	13 721	32 731	9002	41 733
1923	22 714	56 252	37 762	94 104
1924	23 045	72 446	59 374	131 820
1925	26 460	91 338	70 481	161 819
1926	28 809	93 341	79 832	173 173
1927	23 370	93 600	96 019	189 619

Источник: [Гольдфайль, Яхнин 1928: 14]

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 8 (доклад о состоянии курортов Кавказских Минеральных Вод). Л. 50–51, 117–118, 190.

Рис. 1.1. Дом отдыха Центрального исполнительного комитета СССР, 1935, Сухум. РГАКФД г. Красногорска, № 2102339. Публикуется с разрешения архива

Эта особенность также сохранилась: внутри централизованной командной экономики существовало множество учреждений, самостоятельно управлявших своими здравницами.

Настоящий расцвет курортов, как основанных в имперскую эпоху, так и новосозданных, наступил лишь в середине 1930-х годов, конкретнее – с началом второй пятилетки (1933). В 1920-е годы Наркомздрав стремился преимущественно восстанавливать курортную инфраструктуру и готовить санатории к приему необходимого количества пациентов. Число коек в санаториях оставалось в то время неизменным, тогда как число пациентов во второй половине десятилетия начало расти (см. табл. 1.1): это означало, что имевшиеся места использовались все интенсивнее. Становилось все больше так называемых «амбулаторных пациентов» – в 1927 году они составляли половину от общего числа пациентов, что отражало рост популярности курортов как мест отдыха. Такие приходящие пациенты не жили в санаториях и не получали там питания: сняв койку в гостинице, пансионате или частном доме, они приходили за медицинскими процедурами (включая солнечные ванны и сеансы плавания) в санатории или поликлиники. В первой пятилетке (1928–1932) рост числа санаторных коек был достаточно скромным: в 1932 году их насчитывалось 66 400. Однако на протяжении второй пятилетки (1933–1937) количество их выросло почти вдвое, достигнув 113 000 санаторных коек в 1937 году [Рудаков 1937]¹⁵.

К концу 1930-х годов массированные инвестиции позволили выстроить роскошные здания, ставшие витриной советского здравоохранения. Хотя система курортного отдыха была демократической в своей основе, источником вдохновения для нее служили дореволюционные образцы, созданные аристократией. Советские курорты должны были иметь признаки «большого стиля» и требовали значительного штата obsługi (такого же, какой некогда полагался

¹⁵ См. также: ГАРФ. Ф. 9228. Оп. 1. Д. 24 (совещание директоров курортов, март 1938). Л. 44.

аристократии); кроме того, предполагалось, что пациенты или отдыхающие будут проникаться высокой культурой и утонченностью. Везде, и в дворцах пионеров, и в местах, предназначенных для летнего отдыха, мир досуга, сотворенный для советского пролетариата, оказывался роскошно аристократичным, предлагая отдых, врачебный уход и развлечения. В то же время – это освещалось не так широко – по всему Советскому Союзу на новых местах возводились более скромные курорты для рабочих и служащих ¹⁶.

Помимо системы курортов, создавалась и другая – сеть домов отдыха, расположенных вблизи больших городов: в них можно было провести отпуск и одновременно поправить здоровье. Как правило, они подчинялись Наркомздраву, отличаясь при этом большим разнообразием. Первые дома отдыха появились в Петрограде весной 1920 года по инициативе Городского отдела труда. Спустя четыре месяца этому примеру последовала Москва – здесь дома отдыха открывал и содержал Мосздравотдел. Первоначально многие из них устраивались в национализированных дворянских особняках и дачах представителей среднего класса, среди девственных лесов или пригородных садовых массивов. Были и такие, которые помещались в новопостроенных деревянных домах, причем столовая могла располагаться в отдельной постройке. Рабочие получали там питание и медицинский уход, предавались умеренно активному культурному времяпровождению и приобретали прочную привычку к ведению здорового образа жизни. Домами отдыха заведовали врачи, окруженные помощниками по культурной и спортивной части. В начале 1920-х годов многие профсоюзы, советы профсоюзов и даже отдельные предприятия «лихорадочно» открывали свои дома отдыха, ставшие символами достижений революции [Рыкова 1923: 11–15].

Эта деятельность порождала проблемы, связанные с контролем и подчинением: чем являлся дом отдыха – продолжением предприятия (предоставлявшего основную часть средств) или частью общегосударственной системы здравоохранения? Медики опасались, что без бдительного контроля со стороны комиссариатов здравоохранения дома отдыха постепенно перестанут быть оздоровительными центрами. По этой причине Мосздравотдел издал сборник подробных инструкций по организации домов отдыха, учитывавших лучшие медицинские практики. В них указывалось, как необходимо проводить уборку, заполнять регистрационные карточки, давались образцы списка ежедневных мероприятий и меню для четырех приемов пищи [Рыкова 1923: 18–19; Дома отдыха 1924–1925]. В следующем десятилетии руководство домами отдыха перешло от отделов здравоохранения к профсоюзам, но медицинский компонент по-прежнему играл главную роль.

К 1927 году в СССР насчитывалось около 300 домов отдыха с 46 000 мест – примерно вдвое меньше, чем имелось в санаториях. Из них 50 (на которые приходилось 33 % всех мест) располагались в Москве и Ленинграде. Согласно закону, дома отдыха должны были напоминать небольшие санатории: спальни, столовая, комнаты для тихого отдыха (чтение, шахматы), спортплощадки, плавательный бассейн или речной пляж, ванны, душевые. Как предполагалось, отдыхающие проводили время, бродя по лесам, загорая у реки, играя в шахматы или шашки; по вечерам устраивались кинопоказы или самодеятельные представления, дававшиеся местными фольклорными коллективами [Гольдфайль, Яхнин 1928: 405–448].

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 178–182.

Рис. 1.2. Спальня в Мальбинском доме отдыха иркутской окружной страхкассы, 1924. РГАКФД г. Красногорска, № 421898. Публикуется с разрешения архива

Описание дома отдыха профсоюза печатников (1928), однако, дает иную картину. Чтобы добраться до места назначения, отдыхающим приходилось проделывать четырехкилометровый путь от станции с багажом в руках. В библиотеке не хватало книг и газет, еда была скверной, многие предавались стародавним, привычным занятиям – ухаживанию за женщинами и пьянству. Неудивительно, писал рабочий корреспондент, что они покидали дом отдыха раньше срока. Замужние работницы редко отправлялись в дома отдыха, когда подходило время ежегодного отпуска, – им не с кем было оставить детей¹⁷.

К началу 1930-х годов чиновники от здравоохранения начали беспокоиться – система не оправдывала себя. Дома отдыха заполнялись лишь на 85 %. Национализированные здания, в которых они помещались, срочно требовали капитального ремонта, а продовольственный кризис в стране не давал возможности обеспечить здоровое питание. Рабочие отправлялись в дома отдыха с такой неохотой, что кое-кто предлагал демонтировать систему целиком. Другие, однако, возражали: для «здоровых, но уставших» рабочих дома отдыха имели преимущества по сравнению с курортами; следовало умножать, а не сокращать их число и делать отдых более разнообразным. Многие специалисты полагали, что дома отдыха, связанные с конкретной отраслью или даже с отдельным предприятием, обладали большей привлекательностью, чем неспециализированные: отдыхающих с одинаковыми привычками и культурными запросами было легче обслуживать, а режим отдыха мог быть приспособлен к нуждам того или иного производства¹⁸. По этой причине некоторые государственные дома отдыха передали предприятиям – например, московскому Электrozаводу: это было поощрением со стороны Мосздравотдела, за то, что завод выполнил пятилетку в два с половиной года. Существовали специаль-

¹⁷ Печатник. 1924.12 июля; 1928.1 сентября; ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 88,239.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 21, 12, 14, 35; Д. 131. Л. 9; Ф. 9493. Оп. 1. Д. 2 (отчет центрального комитета профсоюза угольщиков, сентябрь 1933). Л. 1–2.

ные дома отдыха для молодежи, хотя некоторые люди постарше порой ворчали, что молодые нуждаются в более активном времяпровождении. После введения так называемой непрерывной рабочей недели – четыре дня для работы, один для отдыха – появились «дома отдыха пятого дня», где работники могли в свой выходной отдохнуть, получить улучшенное питание и поучаствовать в культурных мероприятиях. Поскольку выходные у всех приходились на разные дни, такие дома отдыха могли быть загружены постоянно. Однако непрерывная рабочая неделя так и не прижилась, и «дома отдыха пятого дня» полноценно использовались только по выходным¹⁹.

Некоторые специалисты считали, что во второй пятилетке необходимо вливать средства не в традиционные дома отдыха, срок пребывания в которых составлял две недели, а в однодневные дома отдыха, детские колонии и парки культуры и отдыха. Тем не менее традиционный дом отдыха являлся в 1930-е годы обычным местом проведения отпуска. Большой московский завод «Серп и Молот» открыл в 1934 году собственный дом отдыха на берегах Москва-реки, в бывшем княжеском дворце. Отдыхающие размещались с комфортом (у каждой кровати стоял ночной столик), к их услугам были клуб, электрическое освещение, библиотека, спортплощадки. Новые хозяева дома отдыха не отказывались от аристократического наследия. Пятидесятилетний рабочий-ударник Королев писал в заводской газете: «Я сейчас живу не хуже бывших князей, которые обитали в этом имении. <...> Они проводили свое свободное время в угаре пьянки и в безделье. Но я живу иначе. Я отдыхаю культурно. Цель моя – лучше отдохнуть, чтобы после этого дать больше продукции для страны социализма». Электрозавод в 1931–1933 годах приобрел три дома отдыха, два последние предназначались для однодневного или двухдневного (в выходные) пребывания. В 1933 году 4700 рабочих завода получили двухнедельные путевки в дома отдыха (а на курорты – только 860 человек), еще 2600 побывали в однодневном доме отдыха. Питание в подобных учреждениях нередко было отвратительным, но в «электрозаводском» доме отдыха, рассчитанном на двухнедельное пребывание, его качество к 1934 году улучшилось настолько, что рабочие буквально сражались за путевки туда. Московская Трехгорная мануфактура – текстильное предприятие – открыло свой дом отдыха (1936) в реконструированной даче на реке Клязьма, но строительство к моменту открытия еще не было завершено, так что первые отдыхающие приняли участие в отделке собственных спален и прокладке водопровода. Спать приходилось в палатках рядом с двухэтажным главным зданием – деревянной постройкой. Пищу принимали тоже на воздухе, за столиками в окружении великолепной природы. По вечерам отдыхающие смотрели кино, пели, танцевали и «веселились»²⁰.

Удовольствие и содержательность еще теснее сочетались в домах отдыха нового типа, возникших с ростом популярности оздоровительного отдыха в 1930-е годы. То были плавучие заведения, устраивавшиеся на речных судах и баржах: они предлагали такой же полезный для здоровья режим, как и стационарные дома отдыха, но к нему прибавлялся терапевтический эффект от смены обстановки. Речные путешествия успокаивают нервную систему, повышают аппетит и способствуют здоровому сну, указывал один специалист в области здравоохранения. Плывая по реке, отдыхающие обслуживались по полной программе: обильное питание, книги, игры, солнечные ванны, вечерние развлечения – все как на суше. Но кроме того, они получали возможность знакомиться с жизнью страны и достижениями социалистического строительства. В 1938 году насчитывалось 15 плавучих домов отдыха. Рейсы совершались по Волге и Каме – из Горького в Пермь, Саратов, Астрахань и обратно; за сезон суда могли принять 13 500 пассажиров. Такие круизы – одна из первых в СССР попыток объединить туристическую поездку с отдыхом – пользовались большим спросом. В 1937 году ежедневная газета «Вечер-

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 48, 76, 218, 228. См. также [Журавлев, Мухин 2004: 193]; Печатник. 1927. 15 июня; ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 131. Л. 15–17.

²⁰ Мартеновка. 1935. 6 июня, 10 июля; [Журавлев, Мухин 2004:193–195]; Знамя Трехгорки. 1936. 16 июля, 9 августа. 1938. 4 июня, 4 июля, 10 августа.

няя Москва» писала, что речные прогулки стали одной из самых популярных форм отдыха. Отходившие от Горького пароходы заполнялись до отказа²¹.

²¹ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 4. Д. 131. Л. 53; [Хрисандров 1938: 82–85]; Вечерняя Москва. 1937. 19 августа.

Направления

Безграничность Советского Союза, его огромные пространства занимали особое место в нарождавшейся идеологии недавно образованной страны [Widdis 2003]. Большая территория позволяла создать необходимые условия для здорового отдыха на природе. Было все: леса, озера, реки, минеральные источники, чистый воздух. Специалисты по планированию ратовали за сооружение курортов и домов отдыха по всей стране, поблизости от каждого центра индустриального и жилищного строительства. Однако большая часть средств вкладывалась в три региона, где советские граждане предпочитали проводить летний отпуск: Крым, Кавказские Минеральные Воды – оба имели богатое курортное прошлое – и, наконец, Черноморское побережье Кавказа, где здравницы начали возникать недавно. В 1936 году на них приходилось 60 000 коек – две трети от общего числа в масштабах страны²².

Кавказские Минеральные Воды – старейший курортный регион России, еще в 1803 году его значение было подтверждено императорским рескриптом. Однако в начале XX века самым желанным направлением уже считался Крым, прозванный в СССР «всесоюзной здравницей». Еще в XVIII веке Екатерина II решила сделать из него цветущий сад, который отражал бы все растительное разнообразие империи, недавно увеличившейся в размерах. В 1930-е годы энтузиасты отдыха в Крыму расхваливали изобилие его флоры и фауны, местные пейзажи, богатую историю и этническое разнообразие. До революции доступ в крымский Эдем был открыт лишь богатым, влиятельным и родовитым людям. Теперь же, благодаря революции – это подчеркивалось в советских путеводителях, – Крым стал доступен всем советским гражданам: тем, кто страдает серьезными заболеваниями и нуждается в длительном лечении, отдыхающим, желающим восстановить силы, туристам, планирующим пешие путешествия от одной крымской достопримечательности к другой. «Пребывание, хотя бы и короткое время в Крыму, создает особый подъем жизнедеятельности, возрождает силы и укрепляет и психическую и физическую упругость организма», – говорилось в одной книге 1924 года [Schonle 2001; Курорты Крыма 1924:8-15; Крым. Путеводитель: 7-31].

Крым, часто сравниваемый с французской и итальянской Ривьерами, мог принимать пациентов и отдыхающих круглый год, но лучшим временем для поездки туда была золотая осень. Полуостров считался климатическим курортом; основу лечения составляло физическое пребывание в краю, славящемся чистым воздухом, солнечным светом и свежей водой. Для климатотерапии в особенности подходил живописный южный берег Крыма, протянувшийся от Ялты на западе до Алушты на востоке: эффектные выступы, вдающиеся в воду, прекрасные виды на Черное море, дикая природа, задник в виде гор... Здесь имелись дворцы, парки, заповедники и рядом санатории, дома отдыха, гостиницы, частные дачи, где за плату принимали отдыхающих. Помимо природной климатотерапии, пациенты могли подвергаться бальнеологическим процедурам (ванны, питье минеральной воды). Только в Крыму они могли получить ампелотерапию – лечение виноградом. Сезон сбора винограда продолжался от середины августа до начала ноября; по назначению врача пациенты могли потреблять примерно от трех до трех с половиной килограммов винограда в день. Как полагали медики на курортах, по эффективности лечения многих заболеваний виноград был сравним с минеральной водой [Курорты СССР 1923: 15–17; Курорты Крыма 1924: 61–63]. На западе полуострова располагалась Евпатория, не такая притягательная, как курорты южного берега, но зато предлагавшая широкие песчаные пляжи, которых не было на скалистом юге.

²² ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 6. Д. 108 (материалы по социальному составу пациентов курортов, 1930). Л. 8; Оп. 4. Д. 132. Л. 179–182; подсчеты сделаны на основе материалов из [Курорты СССР 1936] и ГАРФ. Ф. 9228. Оп. 1. Д. 24 (1938).

В 1921 году Наркомздрав постановил, что Крым должен стать первым по значению курортом страны, и определил перспективную цель: довести число коек в местных здравницах до 25 000. Но это оказалось невозможным из-за финансовых трудностей, к тому же в сентябре 1927 года на полуострове произошло сильное землетрясение – с южного берега пришлось эвакуировать всех пациентов, – а подземные толчки продолжались еще в ноябре. Правительство выделило миллион рублей на реконструкцию курортной инфраструктуры южного берега, и к 1928 году, согласно одному источнику, число коек в крымских санаториях достигло прежнего значения – 7359. В это время «всесоюзная здравница» еще служила витриной успехов нэпа, в рамках которого сосуществовали государственные и частные предприятия. Государственные тресты управляли курортами южного и западного побережья; некоторые гостиницы и санатории принадлежали государственным учреждениям и предприятиям, а некоторые находились в руках частных – например, гостиница «Драгоноги» в Севастополе и 55 пансионатов в Ялте. Основные достопримечательности были сосредоточены в Севастополе и Ялте, сделавшихся центрами экскурсионного обслуживания. Из этих городов можно было попасть на места сражений Крымской войны (такие, как Балаклава) или в Бахчисарай с его ханским дворцом. Во время первой пятилетки (1928–1932) все частные заведения были национализированы и присоединены к существующим санаториям или превращены в государственные пансионаты и дома отдыха. К 1936 году ставший полностью социалистическим Крым располагал 30 000 коек в 168 здравницах [Гольдфайль, Яхнин 1928: 197, 202, 210, 221; Курорты. Энциклопедический словарь 1983: 196]²³.

Кавказские Минеральные Воды включали четыре курортных города, притаившихся в окруженных горами долинах, на северных склонах Кавказского хребта. В их окрестностях насчитывалось более 60 минеральных источников. Как и на европейских курортах этой разновидности, жизнь каждого города вращалась вокруг минеральной воды: там имелись изысканные ванные заведения, питьевые бюветы, ухоженные парки. Пациентам были обеспечены уход и спокойствие, необходимые во время лечения. Советские чиновники от медицины гордо сравнивали этот регион с лучшими европейскими спа-курортами, находившимися в горной местности, – Давосом и Монтрё. Административным центром его являлся живописный Пятигорск, расположенный в 500 метрах над уровнем моря. Здесь в 1841 году состоялась роковая дуэль М. Ю. Лермонтова, и к памятнику на месте его гибели тянулся непрерывный поток туристов. Как и полагается, вероятно, курорту, изначально предназначенному для военных, Пятигорск был популярным местом для лечения сифилиса, но предлагал и обычную бальнеологическую терапию всех видов [Курорты СССР 1936]²⁴. Ессентуки и Железноводск (высота над уровнем моря – 600 метров) стали развиваться как курорты позднее Пятигорска, но к середине XIX века также обрели притягательность для состоятельных клиентов. Кисловодск (850 метров над уровнем моря), расположенный в 37 километрах от Пятигорска, в раннесоветский период сделался крупнейшим курортом региона. Как и в других городах, центром общественной жизни служил хорошо ухоженный парк, где стоял впечатляющий «Гранд-отель», построенный еще до революции. Аллеи, обсаженные деревьями, вели к питьевым бюветам. На протяжении курортного сезона в парке дважды в день играл оркестр. Центр города в 1929 году закрыли для автомобилей и грузовых телег – ввиду его небольших размеров, – теперь пациенты могли неторопливо прогуливаться, направляясь по своим делам. Разнообразные экскурсии – к близлежащим водопадам, гротам и обзорным площадкам с видом на Эльбрус – придавали лечебному отдыху туристический оттенок.

²³ В одной из публикаций 1934 года упоминалось о 45 562 койках на июнь 1934 года [Курорты СССР 1936:164]. Мои подсчеты, основанные на данных для каждого из названных в книге лечебных учреждений, дают 29 855 коек. Однако чиновники признавались, что не имеют всех данных об объектах, находящихся под их контролем: ГАРФ. Ф. 9228. Оп. 1. Д. 24. Л. 44.

²⁴ См. также: ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 8. Л. 32, 107.

Социалистическое преобразование Кисловодска началось в середине 1920-х годов: частные виллы и отели постепенно превращались в санатории и дома отдыха различных ведомств. Первый пятилетний план включал в себя и строительство новых сооружений, которые были спроектированы ведущими архитекторами страны в стиле конструктивизма. В 1928–1936 годах число мест в здравницах четырех городов более чем удвоилось. К 1936 году в них имелось 93 санатория и дома отдыха (в том числе 43 в Кисловодске) с 15 000 коек [Курорты СССР 1936:100–103; Гольдфайль, Яхнин 1928].

Такой курорт, как Сочи, прочно связан с именем И. В. Сталина, избравшего его своей летней резиденцией: во многом по его инициативе город решили превратить в курорт всесоюзного значения (президенты В. В. Путин и Д. А. Медведев также отправлялись на отдых в Сочи, летом и зимой; первый сыграл ведущую роль в том, что Сочи стал кандидатом на проведение зимних Олимпийских игр 2014 года – и, как известно, победил)²⁵. До революции на этой узкой полосе земли, зажатой между морем и Кавказским хребтом, существовало несколько небольших городков, и Сочи был одним из них, ничем не выделяясь. Добирались туда преимущественно по морю – железную дорогу провели лишь в 1925 году. Считалось, что Сочи – «захолустный, пыльный и грязный городишко», но в близлежащих поселках активно строились дачи, владельцами которых были царские чиновники, титулованные аристократы, генералы, известные ученые и деятели искусства [История Сочи 2006]. К началу XX века, благодаря частным застройщикам, здесь появились отели, пансионаты, ухоженные парки, в которых произрастали экзотические растения со всего мира. Субтропический климат предоставлял большие возможности для экспериментов с посадками, но он же и благоприятствовал размножению комаров – распространителей малярии. Хотя минеральные источники встречались здесь не в таком изобилии, как на Северном Кавказе, край все же обзавелся в 1910 году собственным бальнеологическим курортом в виде Мацесты, расположенной в некотором отдалении от побережья – и от комаров (20 метров над уровнем моря).

Климат и ландшафт способствовали росту популярности этих мест в начале XX века. Ветер с Черного моря, смягчавший погодные условия, делал пребывание на побережье приятным девять месяцев в году, а близлежащая климатическая станция Красная Поляна отличалась разнообразными пейзажами и интенсивным движением воздушных масс, будучи легкодоступной для отдыхающих из Сочи. Субтропическая растительность и экзотические местные народности создавали ощущение сказочного мира, и сюда все чаще приезжали представители среднего класса – как в отель «Кавказская Ривьера» с его прекрасным парком, так и в небольшие пансионаты вроде «Светланы» (названного в честь героини баллады В. А. Жуковского). С установлением на черноморском побережье советской власти частные гостиницы и дачи оказались в распоряжении новых властей и были превращены в санатории и дома отдыха. В 1920-е годы курорт Мацеста расширился за счет новых ваннных корпусов и санатория [Гольдфайль, Яхнин 1928:121–123]²⁶.

В 1933 году ЦИК и СНК СССР приняли План реконструкции курорта Сочи-Мацеста: последний должен был стать новой витриной советской досуговой культуры. Планы предусматривали расширение существующих санаториев и строительство новых. Что еще важнее, в инфраструктуру Сочи влили значительные средства: появились новые канализационные коллекторы, электростанции, котельные. Административные и торговые кварталы были отодвинуты от береговой линии. Вместо узкой, извилистой дороги, тянувшейся вдоль морского побережья, проложили широкий, прямой, обсаженный деревьями бульвар – проспект Сталина. Через мелкие речушки, текущие с гор и впадающие в море, перебросили гранитные мосты, украшенные статуями. Над узкими галечными пляжами теперь нависала живописная терраси-

²⁵ Как заявил один сочинский таксист 8 октября 2006 года: «Если Путин захочет, все это построят».

²⁶ См. также: ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 8. Л. 52–54.

рованная набережная с кипарисами, пальмами, магнолиями и другими цветущими деревьями. Лучшие архитекторы страны приложили свою руку к новым санаториям и общественным зданиям, включая Зимний театр на 900 мест. Сочинский военный санаторий Рабоче-крестьянской Красной Армии имени Ворошилова – частый объект фотографий – с его конструктивистским обликом и фуникулером, соединяющим санаторный пляж с основной территорией, стал символом современного советского курорта. «Не жизнь, а рай», – с восхищением писала о нем в письме домой одна из работниц [Курорты СССР 1936:145,158]²⁷. В 1936 году в районе Сочи насчитывалось 15 000 коек для отдыхающих и пациентов.

За пределами этих трех крупных центров для советских граждан были доступны около 30 000 санаториев и домов отдыха, многие из которых получали недостаточно средств и посещались в основном местными жителями. Под Ленинградом, всего в 22 километрах от города, располагался Сестрорецк, климатический курорт с пляжем, парком, поликлиникой и концертным залом. В Казахстане на 1938 год насчитывалось семь курортов, плохо финансируемых – типичная картина для того времени [Гольдфайль, Яхнин 1928: 308–310; Курорты СССР 1936: 238–241]²⁸. Средства доставались здравницам в хорошо известных курортных регионах, которые пользовались популярностью – на Черноморском побережье и Кавказе.

В 1930-е годы выросла посещаемость высокогорных курортов. Одним из них была Теберда в Карачаево-Черкесской АССР, на Военно-Сухумской дороге, куда еще до революции направляли страдающих туберкулезом. Несмотря на примитивный водопровод и недостаточные электрические мощности, горный курорт привлекал пациентов и отдыхающих благодаря климату (прохладное лето, теплая зима), потрясающей красоте окрестностей и видам, открывавшимся с Военно-Сухумской дороги. В Теберду потянулись туристы и альпинисты, а также те, кому требовалось лечение. К 1936 году здесь было построено три санатория (один принадлежал Комиссии содействия ученым), пять домов отдыха и несколько турбаз. Кроме обладателей путевок в эти учреждения, были и пациенты, приезжавшие в Теберду самостоятельно. Гостиниц и пансионатов не хватало, не существовало и центральной больницы, так что эти люди селились в частных домах и сами устанавливали для себя режим лечения, не имея возможности проконсультироваться с врачом²⁹.

²⁷ См. также: Мартеновка. 1936. 30 мая.

²⁸ См. также: ГАРФ. Ф. 9228. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 2. Д. 41 (Стенограмма конференции Главного курортного управления 19, 20 ноября 1939 г.).

Путевка и как ее достать

Путевка давала ее обладателю право на лечение, питание и проживание в определенном учреждении на протяжении установленного периода времени. Этот листок цветной бумаги обладал стоимостью, измеряемой в денежном выражении: она равнялась суммарной стоимости питания и услуг, которые предстояло получить. Но путевки распределялись по критериям, к которым цена не имела отношения. Мест в санаториях, пансионатах и домах отдыха не хватало, и они доставались в первую очередь тем, кто сильнее всего в них нуждался. Формально это были те, на чье здоровье пребывание в данном медицинском учреждении могло подействовать наилучшим образом. Кроме того, при распределении путевок предпочтение официально отдавалось промышленным рабочим – за них платил государственный фонд медицинского страхования или предприятие. Однако работе системы распланированного, рационального распределения препятствовала другая система, в которой деньги и связи значили так же много, как трудовые успехи и состояние здоровья. Эти трения сохранялись до конца советской эпохи.

В 1920-е и 1930-е годы курорты принимали посетителей почти что на коммерческой основе: путевки имели цену, зависевшую от стоимости, но распределялись – а не «продавались» – через сеть курортных бюро либо по договоренности с предприятиями и учреждениями [Курорты Абхазии 1925: 146–147]³⁰. Процесс начинался с посещения врача, рекомендовавшего соответствующее место исходя из состояния пациента. Получив справку, будущий пациент обращался в профком предприятия, и если тот соглашался выделить нужную сумму, предстал перед отборочной санаторно-курортной комиссией для получения окончательного одобрения. Если комиссия решала, что курс лечения необходим, пациент получал бесплатную путевку и бесплатные билеты на транспорт; заработную плату за время отсутствия на работе ему выплачивали за счет государственной системы страхования. Даже в тех случаях, когда пациент выражал желание заплатить за путевку из собственных средств, медицинская справка и разрешение отборочной комиссии все же были необходимы [Гольдфайль, Яхнин 1928: 452–453]³¹.

Путевки в дома отдыха выдавались профсоюзами, получавшими места в зависимости от того, насколько тяжелые последствия для здоровья вызывала работа в данной отрасли, и от количества членов профсоюза. Рабочие, желавшие провести ежегодный отпуск в доме отдыха, могли через профком предприятия обратиться с просьбой о предоставлении одного из выделенных профсоюзу мест. Комиссия по охране труда предприятия и медицинские работники подавали документы на рассмотрение местной (городской, областной, краевой) комиссии по распределению путевок на санаторно-курортное лечение, и те, на кого падал выбор, получали путевку – полностью оплаченный отпуск в конкретном доме отдыха (если во время рассмотрения обнаруживались серьезные медицинские проблемы, претендента теоретически должны были направить в санаторий) [Белобородов 1923: 49–51].

Распределение путевок только по медицинским показателям вело к неоптимальной нагрузке системы здравоохранения. Возможно, жители СССР обладали более крепким здоровьем, чем считали чиновники; так или иначе, руководители курортов постоянно сообщали, что туберкулезные санатории не могут быть заполнены одними только пациентами с туберкулезом, что порой лишь половине «пациентов» реально требовалось лечение. Многие прибывали с путевками, но без медицинских справок. В 1934 году выяснилось, что в кисловодских санаториях менее 50 % пациентов нуждались в лечении. Пациенты приезжали в туберкулезные санатории на 45 дней, зная, что совершенно здоровы, а стоявшим на учете больным туберкулезом

³⁰ См. также: ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 31 (совещание директоров курортов, декабрь 1923). Л. 32.

³¹ См. также: ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 30 (материалы о предоставлении путевок). Л. 11–13.

отказывали в путевках. В Евпатории (Крым) 10 % пациентов не имели никаких медицинских показаний: «Многие получают путевки как премию, вместо того, чтобы их направить в дом отдыха, они направляются к нам <в санаторий>»³². Таким образом, пациентам, действительно нуждавшимся в лечении, не доставалось мест.

С точки зрения профсоюзов и работников государственных отделов труда, лечебные курорты, как «ремонтные мастерские для восстановления здоровья трудящихся», должны были организовывать лечение и режим отдыха так, чтобы то и другое благоприятствовало в первую очередь рабочим, особенно промышленным. Это вызывало возражения со стороны работников здравоохранения, которые предпочитали, чтобы доступ на курорты давался в соответствии с медицинскими показаниями, а не занятием человека [Ewing 1990: 69–96]. Формально победа осталась за профсоюзами. В 1923 году Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) постановил, что 80 % мест в санаториях должны отводиться рабочим – произвольно завышенная цифра, отражавшая статус рабочих при новом режиме, но связанная также с их расстроенным здоровьем. «Рабочие» в 1926 году составляли 6,5 % экономически активного населения СССР, «промышленные рабочие» – 2,5 %. Даже в конце 1930-х годов рабочие составляли менее трети экономически активного населения [Всесоюзная перепись 1926. Т. 34. Табл. 1,2,3; Всесоюзная перепись 1937: 116,121; Всесоюзная перепись 1939]. Путевки для рабочих отличались особыми цветами и могли стоить существенно дешевле путевок, доступных для советского населения в целом (цена снижалась порой на 50 %). Но и оставшаяся стоимость выплачивалась, большей частью или целиком, государственными органами страхования; кроме того, рабочие получали скидки на железнодорожные билеты до места назначения [Гольдфайль, Яхнин 1928: 477–479]³³.

Учреждениям здравоохранения и профсоюзам не удавалось в полной мере выбрать эти крайне высокие квоты. Как докладывал в 1923 году Наркомздрав, рабочие составляли не 80 %, а лишь 36 % от общего числа пациентов курортов, тогда как служащие (менее 5 % трудоспособного населения в 1926 году) – 46 %. Местные профсоюзы игнорировали указания из центра, и «на курорты шли те, которые стояли ближе к руковод<ящим> органам профсоюза»³⁴. Уже в раннесоветский период связи значили больше медицинских показаний и общественного положения.

В октябре 1929 года ВЦСПС повторил требование относительно 80 % мест для промышленных рабочих, но расследование, проведенное партийными органами, показало, что чиновники продолжали уклоняться от его выполнения. В 1930 году рабочие составляли всего 37 % пациентов на лучших всесоюзных курортах и 65 %, если брать все курорты. Слишком много путевок продавалось за деньги или отходило к партийным функционерам, а не к рабочим. Профсоюзы разрешали служащим приобретать путевки, предназначенные для рабочих. Госстрах сообщал, что рабочие, получившие в 1930 году бесплатные путевки на курорты Кавказских Минеральных Вод, составляли 78 % всех пациентов – но многие из них на самом деле были служащими. Дома отдыха, расположенные в лучших курортных местностях, заполнялись одними лишь служащими. С 1930 года инженеры и технические специалисты считались рабочими, но все же доля последних среди отдохнувших во всесоюзных санаториях (1930) – 46 % на бальнеологических курортах, 26 % на приморских курортах, 27 % в общей сложности – оставалась намного ниже установленных квот. В отчете о злоупотреблениях при выдаче путевок от 1931 года сообщалось, что среди шести пациентов, приехавших от местного профсоюза горняков, оказались один инвалид, жена прораба, жена председателя профкома, служащий с

³² ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 8. Л. 34, 74–75, 96, 160 (цитата); Д. 24. Л. 9; Ф. 9228. Оп. 1. Д. 24. Л. 54; Ф. 5528. Оп. 4. Д. 132. Л. 237–238.

³³ Право на оплату путевок по самой низкой из трех категорий имели рабочие, крестьяне, солдаты, инвалиды, медицинские работники, члены партии, платившие за себя: ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

³⁴ ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 52 (переписка о распределении мест на оздоровительных курортах, 1923). Л. 8.

женой и ребенком – и ни одного настоящего пролетария. Доступ к климатическим курортам для рабочих был затруднен, им приходилось соглашаться на поездки в межсезонье. Число служащих, отдохавших в здравницах, достигало максимума в высокий сезон (с июля по начало октября); инженеры чаще рабочих получали путевки на всесоюзные курорты в июле³⁵.

Наркомздрав, постоянно получавший сообщения о том, что «в целом процент рабочей группы не достиг установок», в январе 1933 года разработал новые правила. Отныне категория «рабочие» включала промышленных рабочих, инженерно-технический персонал, научных работников, учителей, старших бухгалтеров и должна была обеспечивать не менее 76 % посетителей домов отдыха и санаториев, а также от 60 % пациентов на курортах (из числа тех, кто получал бесплатные путевки). Предусматривались различные наказания для тех, кто незаконно пользовался «рабочими» путевками, – от отправки домой до шельмования в печати и даже уголовного преследования. На бумаге рабочие получили больше шансов попасть на всесоюзные курорты. С Кавказских Минеральных Вод сообщали, что доля рабочих выросла с 53 % в 1933 году до 64 % в 1935 году, а если считать вместе с «приравненными к рабочим», то процент оказывался еще более приемлемым: 79 % в 1933-м, 82,6 % в 1935-м. Но несмотря на эти успехи, махинации с «рабочими» путевками продолжались, как докладывал в 1935 году директор одного из санаториев. В одном случае такой путевкой воспользовался начальник отдела предприятия, а когда ему отказали в приеме, предприятие послало телеграмму с просьбой принять его, ссылаясь на нехватку рабочих. Санаторий буквально заваливали телеграммами подобного рода³⁶.

Постоянное нарушение правил выдачи путевок заставляет предполагать, что в 1930-е годы курорты превратились из лечебниц в объект потребления, к их потребительной стоимости (ценности в медицинском отношении) прибавлялась символическая стоимость (престижность пребывания на всесоюзном курорте). К середине 1930-х годов обозначились статусные различия между местами отдыха. Доля путевок, получаемых промышленными рабочими, превосходила долю последних среди трудящихся, но не достигала целевых показателей, установленных властями, о чем с сожалением говорилось во время дискуссий, имевших место в профсоюзах и Наркомздраве. Главными проигравшими оказались крестьяне, составлявшие в 1939 году 48 % всех трудящихся, но лишенные прав и привилегий обычного советского человека: только малая часть их отправлялась в учреждения здравоохранения [Всесоюзная перепись 1939: 93]. При этом те, кто не относился к промышленным рабочим и знал, как использовать систему с выгодой для себя, получал путевки в самые желанные места и в лучшее время года. Отчет Наркомздрава за 1933 год позволяет нам узнать о социальном составе посетителей всесоюзных курортов: промышленные рабочие – в среднем 17 %, служащие и управленцы низшего звена – 11 % (см. табл. 1.2). В целом доля рабочих была ниже средней по стране в Сочи, Кисловодске и на южном берегу Крыма, зато они составляли большую часть пациентов таких старых курортов, как Старая Русса (Новгородская область) и Сергиевские Минеральные Воды (Куйбышевская область), а также туберкулезных санаториев на севере Центральной Азии, где лечение заключалось в питье кумыса. Доля технического персонала была наиболее высока в Кисловодске (27 %) и Сочи (26 %). Непропорционально высокий процент служащих наблюдался в Кисловодске и Сочи, на Южном берегу Крыма. Если брать крымские пансионаты, этот процент оказывался еще более высоким: 27,2 % – служащие, 25,2 % – рабочие. Санатории являлись «ремонтными мастерскими для восстановления здоровья трудящихся», пансионаты же предлагали не столь интенсивное лечение и были скорее местами отдыха как такового. Неуди-

³⁵ ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 6. Д. 108. Л. 1–3, 6–8, 18; Оп. 4. Д. 118 (социальный состав отдыхающих на курортах Кавказских Минеральных Вод, 1931). Л. 35–39; прочие отчеты: Ф. 5528. Оп. 6. Д. 220 (материалы по распределению мест на курортах, 1933). Л. 25; Ф. А-8042. Оп. 1. Д. 5 (обзор работы курортов за 1932 год). Л. 36.

³⁶ ГАРФ. Ф. А-8042. Оп. 1. Д. 5. Л. 35; Ф. 5528. Оп. 4. Д. 48 (подготовительные материалы по социальному составу, 1933). Л. 1; Ф. 9493. Оп. 1. Д. 24. Л. 5,115; Д.8.Л. 8, 166.

вительно, что росту представительства привилегированных групп населения соответствовало увеличение доли членов ВКП(б), которые составляли большую часть пациентов в Кисловодске (43,3 %) и Сочи (42,9 %). На Кавказских Минеральных Водах рабочих было больше всего в Пятигорске (40,8 %), и там же процент коммунистов был самым низким (36,3 %)³⁷

³⁷ Статус Пятигорска, похоже, снизился, так как он стал считаться местом лечения сифилитиков. До сих пор существует еще старая упрощенная формула: сифилис – Пятигорск, Пятигорск – сифилис. См.: ГАРФ. Ф. 9493. Оп. 1. Д. 8. Л. 107.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.